

Цзи Цинбай вложил в этот удар все десять десятых сил. Мин Хуань слегка отклонил голову, чтобы её не снесло сразу. Рана на шее обильно сочилась кровью. Цзи Цинбай почувствовал резкую боль в запястье — Мин Хуань просто сломал его. Юэлуань упал на землю. Священный демон схватил Цзи Цинбая за воротник, его алые глаза уставились на него.

— Второй раз.

Мин Хуань, словно безумец, внезапно прижал Цзи Цинбая к себе спиной, повернув лицом к выбежавшему Тань Чжану, и, приблизившись к его уху, тихо рассмеялся:

— В прошлый раз ты тоже пытался убить меня так.

Сказав это, Юэлуань уже вернулся в его руку. Цзи Цинбай почувствовал ледяной холод у подбородка — лезвие плотно прижалось.

— Посмотрим, — одной рукой Мин Хуань провёл по его лицу, голос низкий, пронизанный холодной нежностью, — если на глазах у Безмерного Почтенного Будды я буду срезать с тебя по кусочку, какое у него будет выражение лица.

Цзи Цинбай был вне себя от ненависти, но ничего не мог поделать. Сейчас он уже не заботился о шести мирах и всех живых существах, выдохнув последний глоток воздуха, злобно прошипел:

— Не можешь убить его, вот и думаешь выместить зло на мне. Почтенный Будда не ошибся, браня тебя — ты и вправду скот!

Мин Хуань на мгновение застыл, его лицо на миг стало пустым. Казалось, он что-то вспомнил, его взгляд стал сложным и полным страдания. Он открыл рот и произнёс лишь одно слово:

— Ты...

Не успели слова отзвучать, как издали донёсся звук натягиваемой тетивы. Стрела, словно пронзающая солнце, прилетела, пронзила левую грудь Цзи Цинбая и попала в стоящего за ним Мин Хуаня.

Цзи Цинбай почувствовал боль в груди. Когда он снова открыл глаза, он уже превратился в нить изначальной души, парящую под солнечным светом. В руках императора был тот лук, что он связывал, на красном драконьем халате были тёмные и светлые пятна — вся кровь Цзи Юй.

Мин Хуань уже исчез без следа, должно быть, погиб и возродился.

Цзи Цинбай, испытывая облегчение, в то же время смутно почувствовал что-то около своего сердца. Та стрела... Тань Чжан промахнулся.

Он не хотел его смерти, но тот всё равно умер из-за него.

Цзи Цинбай увидел внизу Лу Чаншэна с плачущим, скорбным лицом, но не смог улыбнуться. В последний раз взглянув на императора, обнимающего Цзи Юй, он, словно с облегчением, закрыл глаза.

* * *

Обитель Будды сияла благодатью, птицы дивной песни вылетели из-под лotosового трона и с двух сторон ухватились за Цзи Цинбая на лестнице, ведущей в небо.

Такая обстановка явно была для его встречи.

Эта жизнь Цзи Юй можно считать достойно прожитой, поэтому он смог благополучно вернуться в Обитель Будды, только вид имел несколько потрёпанный: на спине — пятна от ожогов кармическим огнём, а рана от стрелы Почтенного Будды на груди тоже не желала исчезать.

Бай Чао ждал его под Алым лотосом судьбы, редко принимая человеческий облик, выглядел свежо и опрятно.

У Цзи Цинбая уже не было сил с ним сражаться.

К тому же, в его изначальной душе вечной лампы не хватало одного фитиля, и сейчас его мастерство не могло сравниться с мастерством этого журавля.

— Верховный бог Цинбай действительно глубоко предан и великодушен к Почтенному Будде.

Бай Чао поклонился ему, но в тоне не чувствовалось особого сочувствия.

— Смерть Цзи Юй в Нижнем мире позволила Почтенному Будде испытать страдание разлуки с любимым и недостижимости желаний. Это великое безмерное свершение, радостное событие для всех живых существ шести миров.

Цзи Цинбай не хотел говорить с ним ни слова, думая про себя: почему ты не превращаешься в птицу? Превратишься — я стану тапиром, и мы сразимся в физическом облике, я откушу тебе хвост до лысины!

Бай Чао, вероятно, догадывался, о чём он думает, и, естественно, не давал Цзи Цинбаю возможности укусить его за перья.

У вечной лампы было всего три фитиля, и за последние десять тысяч лет Цзи Цинбай лелеял их как свою жизнь. Разве это не была его жизнь? Фитили были его изначальной душой. Если фитили исчезнут, он станет всего лишь слегка одухотворённым животным.

Прежде чем отдать Тань Чжану, Цзи Цинбай тоже не избежал внутренней борьбы. Но, подумав, что после его смерти и возвращения в обитель Почтенный Будда будет каждый день испытывать в Нижнем мире боль огня Инь, ему стало действительно невыносимо жаль.

В мире людей говорят: один день супружества стоит ста дней милости. Цзи Цинбай считал, что он всё-таки был в супружеских отношениях с Тань Чжаном и должен защищать покой оставшейся жизни императора в этом перерождении.

Первоначально Цзи Цинбай думал, что Почтенный Будда в Нижнем мире как следует пострадает, а он, вернувшись в Обитель Будды, наконец-то сможет спать спокойно. Однако через несколько дней не только покоя не было, он даже заснуть не мог — стоило закрыть глаза, как перед ним возникало лицо Почтенного Будды в Нижнем мире.

Во всей Обители Будды богов и так было жалкое количество, только Бай Чао время от времени ещё приходил медитировать под Алым лотосом судьбы. Цзи Цинбай сходил несколько раз, и журавль, увидев его, очень ехидно спросил:

— Верховный бог хочет взглянуть на Почтенного Будду?

Цзи Цинбай думал, что в следующем перерождении Почтенному Будде, возможно, ещё придётся просить его найти место для перевоплощения, поэтому мог лишь сдерживать гнев:

— Разве не говорили раньше, что нельзя увидеть?

Бай Чао усмехнулся:

— Пока великое испытание не пройдено, естественно, нельзя увидеть, чтобы не раскрыть небесную тайну. Теперь, когда верховный бог благополучно вернулся, а Почтенный Будда благодаря этому вкусил всю горечь потери любимого в мире людей, безмерное свершение совершилось. Как пройдут оставшиеся годы жизни, разве верховному богу не интересно?

Цзи Цинбай хотел сказать, что ему неинтересно, но слова застряли в горле, словно комок крови. Бай Чао тихо рассмеялся и, не дожидаясь его ответа, открыл око перерождения.

Один день в Обители Будды — десять лет в мире людей. Божественное око Цзи Цинбая превратилось в цветок магнолии, с высоты наблюдая за красками человеческого мира.

Чертог Юйлун не сильно изменился. Служанка, прислуживавшая ему когда-то, уже стала мамкой, и Тань Чжан оставил её.

Главный евнух сменился на нового, совсем молодого, но проворного. Цзи Цинбай каждый день видел, как он утром приходит в рощу, срывает несколько цветущих веток и ставит их на стол императора.

Императору Цзинфэну уже перевалило за тридцать. Увидев его снова, Цзи Цинбай обнаружил, что он отрастил бороду.

Как раз наступило время цветения магнолии. Тань Чжан в чёрном драконьем халате стоял под цветущим деревом и, подняв голову, посмотрел вверх. Божественное око Цзи Цинбая дрогнуло.

На поясе императора всё ещё висел вышитый им кошелёк, обгоревший и потрёпанный кармическим огнём, внутри которого должен был находиться отрезок фитиля из морской сосны, что никогда не перестанет гореть.

Цзи Цинбай, сам не зная почему, не решался смотреть дальше.

Дежурный евнух осторожно подошёл, согнувшись в почтительном поклоне:

— Ваше величество, время трапезы.

Тань Чжан не двинулся с места. Долго смотрел на цветы и, словно разговаривая сам с собой, тихо произнёс:

— Он любил магнолии. Сейчас они так прекрасно цветут, не знаю, захотел бы он спуститься взглянуть.

Евнуг вздрогнул, с грохотом упал на колени и, ударившись лбом о землю, сказал:

— Госпожа императрица непременно бы обрадовалась.

Император кивнул и даже улыбнулся:

— Я тоже думаю, что ей бы понравилось.

Коленопреклонённый евнух чувствовал, что император за эти годы, должно быть, сошёл с ума. С тех пор как покойная императрица принесла себя в жертву небу в день свадьбы, во внутренние покои больше не вводили новых наложниц. Генерал Мин пропал без вести, вся армия Хуаньюй была обвинена в измене, а на следующий день император лично повёл войска, устроив кровавую баню в военном лагере. Все, кто видел, говорили, что в тот день Тань Чжан был подобен адскому демону-хранителю. Голова заместителя командующего армией Хуаньюй висела на городских воротах несколько дней, тело было разорвано пятью лошадьми, и не позволили его похоронить.

В последующие годы Тань Чжан каждый день ходил в храм Паньлун молиться богам и Будде. Тело императрицы почти полностью истлело, прежде чем его перенесли в императорскую гробницу. Портрет покойной императрицы, нарисованный учителем, хоть и был удивительно похож, император публично бросил в жаровню и сжёг дотла.

— Она выглядела не так, — только и сказал император. — Ты не смог передать.

После этого во дворце словно внезапно никогда и не было покойной императрицы. Кто бы ни был, все хранили молчание, никто больше не упоминал, никто не смел говорить. Император запечатал Павильон Кошмаров, оставив только эту магнолиевую рощу позади Чертога Юйлун.

На поясе Тань Чжана всегда висел тот потрёпанный кошелёк. Когда Лу Чаншэн днём пришёл проверить пульс, увидев его, невольно вздохнул.

Божественное око Цзи Цинбая опустилось на кошелёк, и, увидев живого лекаря Лу, он почувствовал некоторое утешение.

— Боль огня Инь у его величества все эти годы ни разу не возвращалась, это определённо дух госпожи императрицы в небесах охраняет вас.

Лу Чаншэн был одним из немногих, кто мог упоминать Цзи Юй. Он, набравшись смелости, ударился лбом и посоветовал:

— Ваше величество должны беречь драгоценное здоровье, чтобы госпожа не волновалась.

Тань Чжан долго не говорил. Подперев голову, полуприкрыв глаза, он медленно произнёс:

— Я хочу навестить её.

Лу Чаншэн, конечно, не мог сказать, что нельзя.

Императорская гробница была недалеко от дворца. Император, не взяв с собой много людей, отправился в путь. Божественное око Цзи Цинбая могло видеть лишь нескольких вокруг Тань Чжана. Добравшись до гробницы, вниз спустился только он один.

Цзи Цинбай увидел каменный гроб Цзи Юй, на котором стояла поминальная табличка, но с угла обзора божественного ока её было плохо видно.

Тань Чжан постоял на месте какое-то время, казалось, тяжело вздохнул и медленно сел, скрестив ноги, перед гробом.

— Ты, должно быть, уже прошёл испытание и вернулся. Не знаю, помнит ли спустившийся в мир смертных божественный дух меня.

<http://bllate.org/book/15582/1387612>